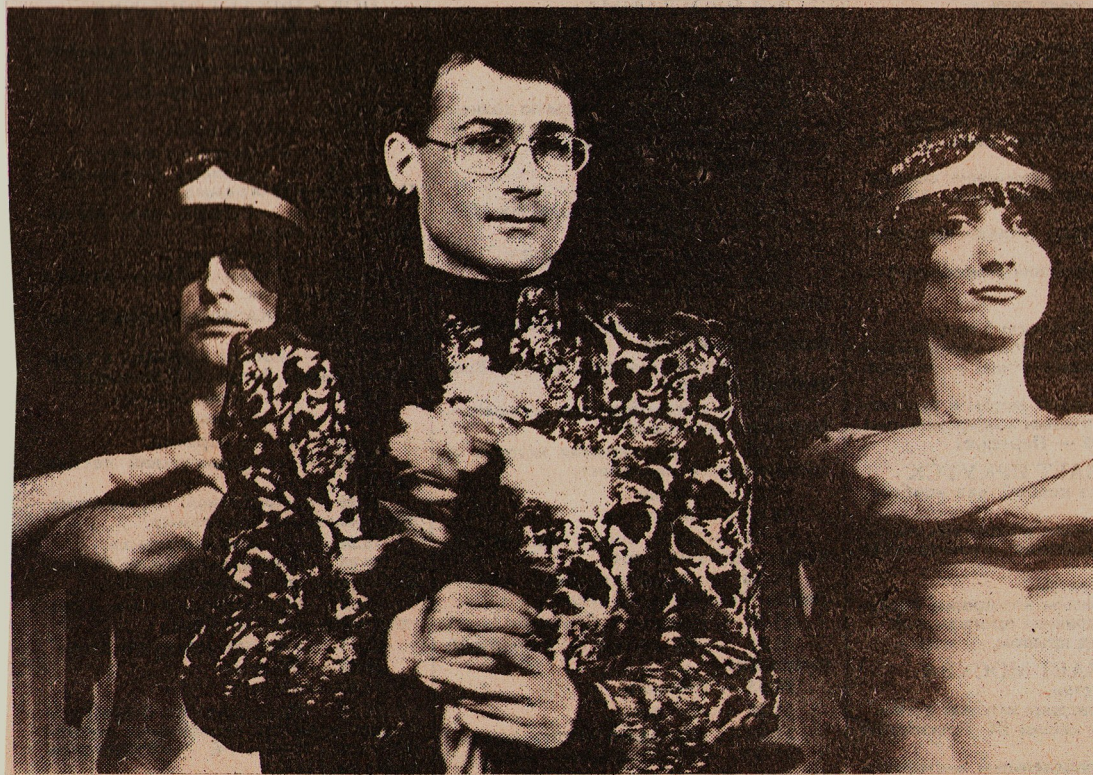

Раф Сардаров: ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ МОДЫ, ЖЕНЩИНЫ, ЛЮБВИ

Сов. молодежь — чуждены — 1992 — 29 февр

Господи, праздник на носу, а у меня еще нет новенького костюма для коктейля, — ужаснулась я, посмотрев коллекцию «Ансамбль для коктейля» московского модельера, руководителя студии моды Рафа Сардарова. Сдержанные расцветки, тонкая стилизация, камерность — лаконичные силуэты, пелерины, накидки в мягких складках, воротники типа «жабо»... А вот «Белое одиночество» — это апофеоз блистания и цвета: облегающие платья с открытыми спинами, мягко расширяющиеся книзу, из белоснежного и пурпурного шелка, отделанные блестками, камнями, мехом. И уж вовсе экзотический «восточный»

«Оазис» — обнаженные мужские торсы, золоченные головные уборы, женщины, закутанные в нечто эфирное, мерцающее... Сказка? Конечно, ведь Раф Сардаров — художник-постановщик шоу, хореограф, автор причесок и макияжа, модельер, виртуозно творящий современность из разных эпох и национальных культур, — великий фантазер. Фантазер во всем — от любви до галстучной булавки.

— Раф, почему Ваш коллектив выступает под такой скромной вывеской — студия, а не называется, например, театром моды!

— Любый театр — это освещение, звук, сюжет... В наших шоу есть, конечно, элемент театральности, девочки не только демонстрируют модели, но и дают характер к каждой из них. По стилю работы наша студия, образовавшаяся раньше других — в 1979 году, на-

поминает мастерскую: девочки учат быть не только манекенщицами, но и нормальными женщинами — они шьют, вышивают, занимаются массажем, макияжем.

— А какой Вы видите современную женщину!

— Мне ближе девушки из «плоти и крови», а не эфемерные существа, что, вилля бедрами, скользят по подиуму и с надменностью смотрят в зал. Меняются времена, ритмы, а с ними и понятия женственности. Пора кудрявых головок, жмущихся к мужскому плечу, прошла. Современная женщина часто одинока, сама строит свою жизнь, одна воспитывает детей и умеет им быть старшей подружкой, «выбивает» себе квартиру. Таков стиль «женщины-путника»: сильная, самостоятельная, со «спортивным» характером, но не без романтизма и парижского «флера». У женщины-«путника» все с собой, одежда должна легко трансформироваться — в одном и том же платье она может прийти на работу, а после — в бар или кафе, моделируя наряд с бусами, поясом.

— Что такое хорошо и что такое плохо в одежде!

— Как говорила моя мама, главное — чистота: одежды, облика, души. Одежда — визитная карточка человека, по ней можно судить о его уровне культуры, характере... Одеться богато может человек, не имеющий культуры и вкуса, для этого нужно иметь деньги, и не более того. Я часто встречаю богато, но дурно, безвкусно одетых людей. Они напоминают аляповатую витрину, где чего только не намешано; они натягивают на себя

все, что у них есть, часто абсолютно несочетающиеся, диссонансирующие вещи. Разве не нонсенс, когда человек приходит на работу в пиджаке, брюках от спортивного костюма и кроссовках? Сейчас, правда, люди имеют возможность просматривать модные западные журналы и знают: если ты надел шляпу, к ней непременно нужны перчатки, а сумочка должна подходить к костюму хотя бы по цвету.

Одеться хорошо — качественно, добротно, — тоже еще не значит одеться со вкусом.

Я уважаю людей чувствующих, создающих свой стиль. Стильность — это и культура, и вкус, и знание истории моды, и манера поведения. Мне нравятся стильные женщины — экзотические, незаурядные. У меня есть знакомая, одевающаяся под начало века. Здорово, когда женщина не боится быть индивидуальной!

— А как насчет женской непредсказуемости, искусства быть всегда новой!

— Это прекрасно, если вы в воскресенье можете принимать гостей в китайском шелковом халате, сложив губы «бантиком», в понедельник, надев строгий английский костюм, превратиться в деловую женщину, во вторник — в гимназистку...

Но для того, чтобы быть разной, не обязательно иметь грандиозный гардероб: это достигается состоянием души. Я знаю женщину, всегда носящую черное «глухое» платье с ниткой жемчуга и собирающую волосы в пучок, при этом она — то романтична, то кокетлива, то строга и серьезна... Дело не в том, какой на тебе костюм, а в том, как ты себя в нем чувствуешь. Одежда станет твоим орудием, если ты умешь себя подать достаточно раскованно и естественно. Зажатый, неуклюжий в общении человек даже в самом роскошном костюме выглядит смешным.

Из нашей жизни исчезли полутона: мы или хохочем, или плачем, забыв о том, что есть еще и задумчивость, и озадаченность, и лукавство...

Мы слишком привыкли все чувства облечь в слова, но ведь удивление можно передать и восклицанием: «ах, не может быть!», и молчанием, одним только выражением глаз... Иной раз разговаривая с девушкой, она все время улыбается, приятно, нежно, вроде бы улыбается, а мне хочется ударить ее по голове, спросить — что это ты все время улыбаешься?

— Но ведь артистизм, о котором Вы говорите сейчас, не каждому дан...

— Мир — театр, и люди в нем актеры! Любая девушка еще как может сыграть, было бы желание и стимул... С человеком однозначным, раскрывшимся до конца — скучно. Нам бывают интересные натуры непредсказуемые, быстро меняющие настроение, взбалмошные, хотя с такими и нелегко. Общение — это совокупность разностей. И я терпеть не могу, когда все по знаку диск-жокея: «Теперь, веселитесь!» — начинают хором веселиться, пить, хохотать... Это ужасно. На самой веселой вечеринке вы можете, сохранив свою индивидуальность, быть не такой, как все, чуть ироничнее, чуть сдержаннее других. Другая крайность — хором сетовать на жизнь, «сто-

нать». Бабистость давно пора бы изгнать из жизни.

— Что Вы вкладываете в это понятие!

— «Бабистость» — это некое состояние души, присущее части советских женщин. В словах оно выражается примерно так: «Ох, что делать, Дусь, ох, как жить-то, ох как все плохо». По-моему, это какая-то внутренняя опущенность.

Женщина должна оставаться женщиной, а женщина — это загадка. Но о какой загадочности можно говорить, если после работы женщина крутится на кухне, все время на глазах у мужа, не имея возможности хоть немного заняться собой. Она должна иметь час, чтобы закрыться у себя в комнате, потратить это время на себя: перебрать гардероб, сделать маску, почитать, отдохнуть. Даже если женщина этот час просто будет смотреть в зеркало, она выйдет из комнаты другой, иначе видящей и ощущающей себя.

Журналисты после показа моих моделей часто задают вопрос: «Что это — пир во время чумы?» А почему бы и нет? Почему мы должны идти на поводу у «битовухи» с ее серыми красками, думая только о проблемах, забывая о другом?

— О любви, например...

— А что такое любовь? На вопрос — любишь ли ты ее (его) — мы махнем рукой: «Да, привок к ней уже». Или говорим о сексуальном влечении. Желать можно многих, но что движет тобой при этом — любопытство, жалость, нежность, страсть... И в любви возможно множество красок, оттенков, полутонов.

— И напоследок — что теперь модно: в одежде, прическах!

— Я могу говорить только об общих направлениях моды. На Западе отвергается синтетика, модны натуральные ткани — лен, шелк, отделка из кружева; вышивка становится более лаконичной, камерной. Важный элемент одежды — громадные пуговицы, по-разному обыгрывающиеся. Подплечики уменьшаются, теперь они лишь подчеркивают примую линию плеча. Слова популярны: шлята с горловиной — «лодочкой», двойные юбки, широкие в три четверти рукава, расклешенные брюки. Что касается волос, мне ближе короткие, легко трансформирующиеся стрижки: при желании ее можно «залезать» в классический пучок, сделать авангардную «торчащую» прическу или «завлекательную» — с завитками и локонами. Но это все очень индивидуально — зависит от овала, черт лица. В наших же парикмахерских каждому сделают стрижку «Ветерок», и все потом ходят с «ветерками» на голове, как стадо баранов. Мода — это то, что отличается от толпы. Не существует уличной моды, есть ширпотреб. Модно то, что еще только-только на «пике», или то, что ты сам для себя создал. Видение моды у каждого свое, это всегда шоу. Поэтому я избегаю слова «мода», а говорю — фантазия на тему моды. Фантазируйте, придумывайте, не бойтесь своей индивидуальности, уважайте ее — тогда вы обретете себя.

Екатерина САНЖИЕВА.

